

После разговора с Алисой все стало выглядеть очень странно: если смерть классифицировали как самоубийство, то меня вызывать не должны были вообще. Но вызвали и даже обозначили М. как подозреваемого. А потом еще и стали искать пробелы в моем заключении.

М., увидев тело брата, не подумал о самоубийстве. Олег не говорил, что жертва может быть самоубийцей, что противоречило договору с Ассоциацией. А теперь еще и будущий телепат на цепи нарисовался.

Бедная девочка. Если из нее действительно будут лепить наше подобие, то она вполне может с ума сойти: ограничения и защита Ассоциации ей не положены, поэтому будут эксплуатировать своего «телепата» как только возможно. А ведь это тоже почти нарушение соглашения.

Я купил открытку с воронами на проводах и, подписав, отправил сестре в Ванкувер: в Ассоциации всегда были хорошо налажены разные способы связи, так что там совсем скоро узнают обо всех этих странностях. И смогут прикрыть меня в случае чего, так как «подозрительные действия со стороны следственных и руководящих органов исполнительной власти дают основание консультантам со сверхспособностями начать расследование».

Я раздраженно ударяю кулаком по двери, она неожиданно поддается. Чувствую удушливый запах лилий и хмурюсь: мы с братом терпеть не можем эти цветы – мерзкие и белые, как наша тетя, взявшая нас под свое крыло после смерти родителей. Коридор будто в тумане, я машу рукой, чтобы разогнать дым, тру глаза, но ничего не меняется. Голова слегка кружится – стоит меньше пить, чтобы всего это не было.

Наклоняюсь, чтобы разуться, и вижу грязь на полу. Неужели этот чистюля кому-то позволил пройти дальше прихожей в уличной обуви? В лесу бигфута нашли, а нам сообщить забыли?

Следы ведут в спальню. Мужские и, скорее всего, не брата. Неужели этот святоша обзавелся любовником? Вот интересно будет посмотреть на реакцию тети Лилечки, когда она узнает такой забавный факт о своем любимом племяннике.

Стараюсь очень тихо ступать по полу, чтобы не шуметь: если голубки настолько устали, что не проснулись ни от звонка, ни от стука в дверь, то не стоит еще больше искушать Фортуну.

Брат лежит один, спиной ко мне. Не заботясь о шуме, подхожу к нему, резко поворачиваю и проваливаюсь в пустые мутно-серые глаза.

Знаешь, если бы я мог, то умер бы за тебя еще сотню, тысячу раз.

Резкий толчок в спину привел меня в чувства: задумавшись, я снова оказался в воспоминаниях М.

– Кажется, сегодня в участке было что-то интересное. – Мальчишеский голос звучал насмешливо. – Не расскажешь?

– Зачем? Ты же и так все видел, – я повернулся лицом к гостю и посмотрел на серебристые волосы.

– Но мне интересно узнать, к каким выводам ты пришел, что отправил в Ассоциацию, что

собираешься делать с Олежей, – мальчик чуть выпятил и поджал нижнюю губ, нахмурился.

– То есть мне надо с кем-то обсудить это, поэтому я снова галлюцинирую мальчишкой?

– И очень интенсивно, к слову: раньше я не мог тебя толкать. Стоит рассказать об этом кому-нибудь, не думаешь? – я собирался начать долгую речь о том, что свихнувшихся телепатов никто никогда не видел, а узнавать причины на собственном опыте желания пока что нет, но не смог открыть рот. – Чайник скипел. Выпей ромашковый отвар, а мне горячего шоколаду налей.

– Если ты мое подсознание, то почему такой неграмотный, а? – руки сами выполняли приказ галлюцинации, мне оставалось только подчиниться. Как всегда.

– Потому что тебе хочется быть выше меня хотя бы в чем-то. Помимо возраста и роста. Маленький закомплексованный телепатик.

– Видимо, мне еще и оскорбления в свой адрес хочется слушать, раз ты все это говоришь.

– А вот тут желание не важно. Тебе надо это слушать, надо говорить хотя бы с кем-то. Всем нужны друзья, Саша. Особенно тем, кто смотрит на грязь этого мира.

–Алекс, с кем и о чем мне говорить, если детали дела можно разглашать только вовлеченным, члены Ассоциации должны быть изолированы от влияния друг друга, а нормальные люди просто не могут понять наши проблемы?

– Никто не может до конца понять проблемы другого человека, но это не мешает людям делиться ими друг с другом. Так они снимают груз с плеч. И не обязательно говорить о деле. Когда ты последний раз с кем-то в кино ходил? В кафе?

– Чтобы читать мысли других людей?

– В гости?

– А там, что, людей нет?

– Так не обязательно читать чертовы мысли! Ты меня вообще не слышишь!

– К несчастью, слышу, поэтому и начинает голова болеть. Пей свой шоколад и вали, – я поставил перед ним кружку и сел напротив. Признавать вслух, конечно, не стал, но ромашковый отвар всегда помогал мне расслабиться, что было очень кстати.

– Пей давай и говори: зачем полез в воспоминания того мужика сейчас?

– Я не понимаю, зачем меня позвали его допрашивать: дискредитировать работу телепата можно только во время официального расследования, но самоубийство расследовать не будут.

– Но это же не самоубийство.

– Так считает М. Вернее, он не подумал о том, что его брат мог покончить с собой. К тому же, если это самоубийство, то я не понимаю, как именно он умер: от снотворного? От яда? Может, из-за болезни? Почему сначала меня позвали допрашивать подозреваемого, а потом сказали, что жертва – самоубийца?

– Хочешь узнать? Уверен: хочешь – будет весело. Да и тому пухлику высокомерному насолить

сможем.

- Хочу, конечно: подпорченная репутация мне не нужна в самом начале карьеры. А причем здесь этот Игоревич?
- Бесячий больно и высокомерный. До девчонки домогался, но она его отшила.
- С чего ты взял?
- Он подумал, что она – ничего не стоящая молоденькая девчонка, получившая свои хорошие оценки через постель или еще как. Подкатил к ней, она отшила, ясное дело, но не донесла куда следовало. Теперь ...
- А факты будут или у нас тут собрание сказочников?
- А ты с ней кофе выпей и узнай. Заодно и про дело что-нибудь спроси.
- Я думал, что она не любит кофе...
- Не тем местом думал, видимо, – мальчишка продолжал смотреть на меня чуть свысока, кривил губы в ехидной усмешке и причмокивал от удовольствия. Его черные глаза всегда пугали: они казались бездной, в которую я мог провалиться в любой момент. Если бы я мог, то умер бы за тебя еще сотню, тысячу раз.
- Если бы я мог, то умер бы за тебя еще сотню, тысячу раз. – я понял, что сказал, только когда Алекс закашлялся.
- Это ты так в любви признаешься?
- М. услышал эти слова, когда посмотрел в глаза брата. – под враз посерьезневшим взглядом, пришлось пояснить – М. посмотрел в открытые глаза своего мертвого брата и услышал эти слова.
- Как интересно, – улыбка напротив будто разрезала лицо пополам. – А самое интересное здесь то, что я об этом не знал.
- Ч-ч-т-как?
- Вот и мне интересно.

<http://tl.rulate.ru/book/102921/3575601>